

Сафронова Е.В.,
профессор кафедры административного и международного права
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета, д.ю.н., профессор
Шипилов А.Н.,
председатель Белгородского областного суда

П.Е. КАЗАНСКИЙ О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время в юридической науке приобретают особую актуальность консервативные правовые идеи. В этой связи учение П.Е. Казанского (1866-1947 гг.) – крупнейшего российского правоведа с мировым именем, профессора и декана юридического факультета Императорского Новороссийского университета, философа, ярчайшего представителя самобытной русской правовой школы, автора теории русского Самодержавия, представляет огромный интерес.

П.Е. Казанский был наиболее последовательным противником доктрины разделения властей. Он исходил из идеи единства государственной власти, проявляющейся в различных сферах: правообразующей, исполнительной и судебной. По его мнению, верховная власть, воплощавшая в себе огромные управленческие полномочия, не могла существовать опосредованно от иных элементов. Построение любой властной вертикали основывается на совокупности структур, призванных разрешать массу текущих вопросов, которые не вызывают принципиальный интерес в общегосударственном масштабе.

Одним из неотъемлемых компонентов государственно-властного механизма, с позиции П.Е. Казанского, являлось подчиненное управление. Ученый отмечал, что подчиненное управление, равно как и управление верховное сосредотачивалось в руках монарха. Под подчиненным управлением П.Е. Казанский понимал реализацию полномочий органами исполнительной и судебной власти. В тоже время часть полномочий в обоих из указанных сфер он относил к ведению власти верховного управления¹.

Основываясь на анализе нормативного материала, П.Е. Казанский приходил к выводу о том, что одной из разновидностей власти подчиненного управления является отправление правосудия. Такой вывод следовал из содержания ст. 22 Свода законов, устанавливавшей, что судебная власть осуществлялась от имени императора на основании действовавших законов судами, решения которых приводились в исполнение именем монарха.

Однако деятельность судебных инстанций ученый был не склонен ограничивать только отправлением правосудия, утверждая, что институтами судебной власти осуществлялось и судебное правообразование, и судебное администрирование.

Между тем, принимая во внимание все правомочия институтов судебной

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Типография «Техник», 1913. С. 30, 44.

власти, нельзя делать категоричный вывод об ее отнесении только к подчиненному управлению. Ученый считал, что судебная власть являлась таковой только в случае если видеть ограниченный круг судебных полномочий, а именно «поскольку мы имеем ввиду судебную власть как власть исполнительную, как отправление правосудия в собственном смысле слова»¹.

Вообще проблема соотношения власти императора и суда в отечественной дореволюционной науке особенно активно стала обсуждаться особенно после реформ 1905-1906 гг. Учеными высказывались различные точки зрения о роли императора в осуществлении правосудия. С.А. Алексеев, В.М. Грибовский, Н.А. Захаров, А.В. Романович-Славатинский отмечали, что императору принадлежит судебное верховенство; А.Д. Градовский, В.В. Ивановский, Н.А. Захаров писали, что суд вершится от его имени; право надзора видели у императора С.А. Алексеев, А.Д. Градовский, Н.А. Захаров; право назначения судей – С.А. Алексеев, А.Д. Градовский, В.М. Грибовский, Н.А. Захаров и пр. Однако наиболее полное учение о судебной власти дано в работах П.Е. Казанского.

Большинство ученых сходились во мнении, что до XVIII в. князья и цари непосредственно участвовали в отправлении правосудия, то есть судебная власть в этот период полностью поглощалась понятием верховного управления.

Однако в царский период ситуация несколько изменилась. «Хотя уже цари, – писал А.В. Романович-Славатинский, – не могли принимать так часто непосредственного участия в отправлении суда, как князья, для которых это была обычная функция»², но значимая роль в этой сфере за ними сохранялась.

Начало существенных изменений было связано со временем правления Петра I, когда «самодержавная власть устраняет себя от отправления правосудия»³. Так, Указ 1781 г. запрещал подавать просьбы вместо судов императору. В учреждении министерств 1811 г. и в Своде законов говорилось: «Власть судебная, во всем ее пространстве, принадлежит сенату и местам судебным» (ст. 178). «Окончательно освободили русского монарха от исполнения судебных обязанностей и признали понятие судебной власти разделенным между различными судебными установлениями»⁴, – отмечал Н.А. Захаров, – судебные уставы 1864 г. В Учреждении судебных установлений была закреплена норма, согласно которой «власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату в качестве верховного кассационного суда» (введение, ст. 1).

П.Е. Казанский был одним из немногих, пришедших к выводу, что из приведенных статей нельзя сделать вывод о том, «что судебные места представляют собой самостоятельную или даже державную судебную организацию»⁵.

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Типография «Техник», 1913. С. 56.

² Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Ч. I. Киев, 1886. С. 250.

³ Градовский А. Начала русского государственного права. Т. 1. СПб, 1875. С. 145.

⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 145.

⁵ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. М., 2007. С. 79.

Он полагал, что судебное верховенство, а равно и вообще судебная власть принадлежат только императору. Однако столь категоричное утверждение расходилось с иными постулатами его доктринального толкования. Ученый не отрицал наделение судебных учреждений вполне очевидными самостоятельными полномочиями по правоприменению и вынесению судебных актов. Такая деятельность хотя и осуществлялась от имени монарха, но в то же время имела признаки относительной самостоятельности и определенно не могла быть отнесена к решениям совещательного характера.

Хотя и само осуществление правосудия также отчасти находилось в ведении императора. Речь в данном случае идет о применении санкций по отношению к членам императорской семьи, которые могли налагаться только в судебном порядке, а потому соответствующие полномочия главы государства и П.Е. Казанский¹, и многие другие исследователи² были склонны относить к так называемым судебным правам верховного управленца.

Пытаясь преодолеть обозначенные противоречия, ученый утверждал, что право, которое регулирует деятельность судебных учреждений (процессуальное право), а равно право, которое они применяют (материальное право), вытекало из верховного источника. Иная ситуация сложиться не могла, ведь все русское право подчинено безграничной верховной власти императора.

Более узко трактовал понятие верховенства в рамках реализации судебной власти, А. Алексеев. Он полагал, что само по себе наличие возможности издания правовых норм главой государства безотносительно их отраслевой принадлежности не образовывало судебного верховенства³.

Обратная позиция П.Е. Казанского обоснована его своеобразной классификацией предметов властного управления, ведь, как указано выше, ученый в понятие судебной власти включал не только правосудие, но и верховный надзор по отношению к ведомствам, осуществлявшим правосудие, а также так называемое судебное правообразование. Последнее, однако, в отдельных случаях приводило к его противоречиям в используемом понятийном аппарате.

Следует отметить, что до проведения реформ государственного управления в законодательстве не упоминалось о судебном верховенстве, связи с чем Н.А. Захаров указывал, что, несмотря на отсутствие формального нормативного закрепления влияния самодержца на органы судебной власти, такие полномочия, безусловно, совершенно не исключались⁴. Данное мнение разделялось и П.Е. Казанским, отдельно отмечавшим сохранение определенных полномочий судебной власти в рамках верховного управления после преобразований в сфере управления.

После проведения преобразований законодательства в 1905-1906 гг. вопросы о сущности и порядке реализации судебных властных полномочий

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Типография «Технико», 1913. С. 192.

² Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 148; Engelmann I. Staatsrecht des Russischen Reiches. Freiburg, 1899. S. 19.

³ Алексеев А. Русское государственное право. М., 1892. С. 185.

⁴ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 145.

практически не претерпели изменений, однако именно в этот период времени произошло восполнение вышеуказанного пробела путем введения соответствующей регламентации в ст. 22 Свода законов и утверждении о делегировании от монарха по общему правилу круга вопросов, относящихся непосредственно к отправлению правосудия.

С позиции А. Алексеева, передача функций правосудия специально созданным органам подчиненного управления обоснована интересами беспристрастности, поскольку судебные инстанции значительно ограничены законом и не могли действовать свободно, по своему собственному усмотрению, а уполномочены только на применения санкционированных правовых поступатов¹.

Разделяя такую же позицию, А. Градовский писал: «Если судебное разбирательство будет принадлежать непосредственно Верховной Власти, значение общего закона, ограждающего права всех, будет поколеблено. Судебные решения, исходящие от власти, поставленной выше закона, могут превратиться не в применение общего закона к частным случаям, а в отдельные узаконения, изданные по поводу этих частных случаев»². И если судебная ошибка органов подчиненного могла быть устранена органами верховного управления, то возможность обжалования актов верховной власти не предусмотрена.

Учение П.Е. Казанского полностью согласуется с приведенными позициями. Так, в рамках реализации полномочий судебной власти он выделял верховный надзор за подчиненными судебными инстанциями. Состоял он, в частности, в отчетности министра юстиции перед монархом, в т.ч. по вопросам судебной деятельности. «На основе этого надзора возможна не только Высочайшая оценка деятельности судов, но и прямые повеления Государя Императора, обращенные к ним и долженствующие служить им к непремennomу руководству»³.

Кроме того, именно император был наделен правом разрешать вопрос о возможности предания суду высших должностных лиц государства. Такое право, по мнению Н. Лазаревского, сводилось по существу к абсолютной безнаказанности соответствующих чиновников⁴.

П.Е. Казанский придерживался прямо противоположной позиции. Поскольку реализация задачи организации ответственности высших должностных чинов за совершенные противоправные деяния виделась ученому довольно трудной, он считал возможным и должным привлечь к ее выполнению самодержца, как единственно возможную гарантию наиболее объективного подхода к определению самой возможности применения мер ответственности. Как раз наоборот, в передаче окончательного разрешения подобных вопросов на уровень низших судебных инстанций ему виделась потенциальная возмож-

¹ Алексеев А. Русское государственное право. М., 1892. С. 184.

² Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. I. СПб, 1875. С. 145.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. – Одесса: Типография «Техник», 1913. С. 61.

⁴ Лазаревский Н. Лекции по русскому государственному праву. Т. I. СПб, 1901. С. 156.

ность их разрешения, вопреки требованиям закона. Что же касается рассмотрения таких дел законодательными палатами, то такое решение вступало бы в противоречие с основными положениями российского государственного строя, который зиждился на самодержавной власти императора¹.

Представляет интерес точка зрения П.Е. Казанского на так называемое право монарха на усмотрение вступивших в законную силу приговоров в отношении отдельных категорий лиц (представители дворянства, священнослужители, чиновники и др.) перед обращением к исполнению. Ученый полагал, что закон в данном случае не предполагал реализации права на помилование, которое вытекало из совершенно иных правовых норм.

Выступая с критикой соответствующей позиции А. Алексева и Н. Лазаревского, он видел в этом исторически сложившиеся сословные привилегии. Само по себе «то обстоятельство, что приговор уже вступил в законную силу не может служить препоной к иному решению дела Высочайшим судом, т.е. к перевершению дела», поскольку «верховная власть стоит выше судебных приговоров»². Причем этому процессу нисколько не препятствовало то, что приговор уже вступил в законную силу, напротив, П.Е. Казанский склонен полагать такой порядок вполне закономерным и разумным, ведь тем самым производство по делу проходило через все необходимые подчиненные инстанции и только после этого подлежало разрешению монархом в порядке непосредственного участия в судопроизводстве. П.Е. Казанский заключал, что императору принадлежит судебное верховенство. В этом отношении его позиция полностью согласовывалась с другими государствоведами. В частности, Н.А. Захаров писал: «Положение Государя Императора, выработавшееся постепенно практикой, подобно положению западно-европейских монархов, освобождает от участия во всех сложностях судопроизводства и предоставляет Ему существенные prerogatives верховной власти»³.

Таким образом, подчиненное управление, по мнению П.Е. Казанского, составляло часть полномочий монарха, некогда составлявших его непосредственную верховную власть, но со временем в силу своей специфики отделившихся в относительно самостоятельную сферу. Такое выделение не образовывало безграничную свободу усмотрения соответствующих органов, напротив, каждое свое действие они соотносили с нормативным предписанием, исходившим от самодержца, и тем самым ориентировались на него. Это утверждение применимо как к нормам материальным, так и процедурным или процессуальным. Характер властных полномочий обособившихся структур подчеркивал самостоятельность их решений, но не самих инстанций. Безграничность государственной власти и усложнение общественных отношений вынуждали создавать разветвленную систему государственных механизмов, способных опосредованно донести волю главы государства до населения.

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Типография «Техник», 1913. С. 64.

² Указ. соч. С. 65-66.

³ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. С. 150.